

Николай Добролюбов

Историческая библиотека

Николай Александрович Добролюбов

Историческая библиотека

«...мы не считаем удобным распространяться здесь ни вообще о пользе издания, подобного «Исторической библиотеке», ни, в частности, о достоинствах выбранного для перевода автора, ни, наконец, о качествах самого перевода. Но мы не считаем нарушением приличной скромности сказать, что перевод Шлоссера на русский язык кажется нам явлением чрезвычайно важным и любопытным. В этом убеждении мы желали бы обратить на Шлоссера внимание тех из наших читателей, которые еще не успели с ним ознакомиться...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0016

**Николай Александрович
Добролюбов
Историческая библиотека**

История восемнадцатого столетия до падения Французской империи, с особенно подробным изложением хода литературы, Ф. К. Шлоссера, профессора истории при Гейдельбергском университете. СПб., 1858. Три тома

Читатели «Современника» знают, что редакция «Исторической библиотеки» находится в близких отношениях к редакции нашего журнала. Поэтому мы не считаем удобным распространяться здесь ни вообще о пользе издания, подобного «Исторической библиотеке», ни, в частности, о достоинствах выбранного для перевода автора, ни, наконец, о качествах самого перевода. Но мы не считаем нарушением приличной скромности сказать, что перевод Шлоссера на русский язык кажется нам явлением чрезвычайно важным и любопытным. В этом убеждении мы желали бы обратить на Шлоссера внимание тех из наших читателей, которые еще не успели с ним ознакомиться. Чтобы в коротких словах определить значение Шлоссера и дать возможно полную его характеристику, мы ничего лучше не умеем сделать, как только выписать коротенькое предисловие к русскому переводу Шлоссера, находящееся при первом томе. Пробежав его, читатель может получить понятие как о самом характере знаменитого историка, так и о русском переводе его, предпринятом редакциею «Исторической

Шлоссер (говорит предисловие к русскому переводу) вовсе не похож на тех блистательных рассказчиков, знаменитейшим представителем которых теперь считается Маколей. Его изложение совершенно лишено драматизма и ярких картин; у него даже нет плавности, часто недостает даже внешней связности в рассказе, – иной раз он, не договорив одного, переходит к другому, а еще чаще случается, что одно и то же он повторяет четыре или пять раз: Мало того, что изложение у него не обработано, – даже язык его неправилен, шероховат, небрежен, так дурен, что каждый дюжинный фельетонист пишет лучше его. Читая его, вы читаете будто бы не книгу, изданную для публики, а черновые тетради, не просмотренные автором. И, однако же, этот человек, говорящий таким небрежным языком, бессвязно, иногда вяло, – этот человек занимает первое место между всеми современными нам историками. Он не увлекает вас живостью или прелестью рассказа, как Маколей или Миш-

ле; вы сначала досадуете на очевидные недостатки его повествования, досада сменяется у вас иногда улыбкой, – так странно кажется вам его нескладница. Но это только на первых порах знакомства с ним. Едва вы прочтете несколько десятков страниц в его книге, в вас начинает пробуждаться чувство, которого вы никак не ожидали, – чувство уважения к нему. Чем ближе вы знакомитесь с ним, тем более растет это чувство, и скоро в дурном рассказчике, говорящем вяло и небрежно, вы видите мудреца, у которого, кто бы вы ни были, как бы ни горды были вы своею житейскою опытностью и своим умом, вы учитесь понимать события и людей. Мало-помалу он овладевает вашими понятиями так, что вы как будто видите его с брюзгливою гримасою говорящим о тех изящных историках, которыми вы прежде увлекались: «*Was für elende Menschen, die aile diese Lappalien erzählen und bewundern!*» – «Что за жалкие люди эти господа, с восторгом рассказывающие такой пошлый вздор!» – и вы соглашаетесь с ним.

Да, этот плохой рассказчик в самом деле мудрец, если можно кого-нибудь назвать мудрецом. Ничем не подкупится, ничем не обольстится он: ни блеск, ни гений, ни софизмы панегиристов, ни даже собственные желания – ничто не оуманит его зоркого взгляда, не смягчит его строгого приговора. Он знает людей, как их знали Монтань и Макиавелли. Но с тем вместе он верит в правду, он любит человека. Поэтому речь его, суровая и печальная, разрушая ваши иллюзии, укрепляет ваши убеждения во всем истинно добром и высоком. Сроднившись с ним, вы, может быть, перестанете видеть в истории тот непрерывный, ровный прогресс в каждой смене событий и исторических состояний, который чудился вам прежде; быть может, вы потеряете веру почти во всех тех людей, которыми ослеплялись прежде: но зато уже никакое разочарование опыта не сокрушит того убеждения в неизбежности развития, которое сохранится в вас после его строгого анализа; и если вы перестанете представлять героями добра и правды почти всех тех,

кто прежде являлся вам в ореоле, сотканном из риторских фраз или идеальных увлечений, зато укрепится ваше доверие к будущим судьбам человека, потому что вместо героев истинно полезными двигателями истории вы признаете людей простых и честных, темных и скромных, каких, слава богу, всегда и везде будет довольно. Чрезвычайно здравый взгляд на человеческую жизнь – вот чем велик Шлоссер. Многие хвалятся тем, что не принадлежат никакой партии; почти всегда это бывает самообольщением, и, вслушавшись в слова человека, гордящегося своим беспристрастием, вы скоро замечаете, что и он так же руководился предубеждениями, как те, которых осуждает за пристрастный взгляд, – что и он, подобно другим, человек партии. О Шлоссере этого нельзя сказать. Он не хвалится беспристрастием, но действительно беспристрастен, насколько то возможно человеку; он не принадлежит ни к какой партии, – не потому, чтобы у него не было своего образа мыслей, очень точного и непреклонного, но потому, что

его понятия о людях и событиях основаны не на личных желаниях и привязанностях, а на опыте долгой жизни, честно проведенной в искании добра и правды. Чтобы разделять этот взгляд, надобно отказаться от всех оболъщений внешности, от всех прикрас идеализма, но сохранить молодое стремление ко всему истинно благотворному для людей, нужно холодную разборчивость старика соединять с благородством юноши. Таких людей не так много, чтобы они могли составить особую партию. Немногие достигают такой зоркости и беспристрастия; потому немногие могут во всем соглашаться с Шлоссером. Почти каждому из нас будут неприятны многие из его суждений: одному одни, другому другие; но в читателе, любящем чистую правду больше, нежели потворство своим предубеждениям, после каждого разноречия с Шлоссером остается впечатление: если мне кажется, что он неправ, то едва ли это не кажется мне потому, что я не могу еще отказаться от приятного мне оболъщения.

Тацит как рассказчик гораздо выше Шлоссера, но в том, что составляет главнейшее достоинство Тацита, – в строгом и совершенно здоровом понимании людей и жизни, – из новых историков ближе всех подходит к Тациту Шлоссер.

Мы не говорим о других достоинствах автора «Истории XVIII столетия», о его громадной учености, о добросовестности, с которою пять раз проверяет он каждое свое слово, прежде чем напишет его, о том, как верно представляет он, посредством краткого указания двумя-тремя словами, связь и зависимость событий в своем, по-видимому, бессвязном рассказе. Самое изложение Шлоссера, его небрежный и неправильный язык начинает нравиться, когда вчитаешься в него: он груб и небрежен, но эта грубость – от силы, эта небрежность – от сознания своих внутренних достоинств; наконец, находишь странную прелесть в этом прямодушном отвращении от наряда, в этой простоте речи, которая ведется как будто среди домашнего бесцеремонного круга.

Теперь несколько слов о русском переводе, начало которого ныне издается. Шлоссер груб и небрежен; этих качеств он не хочет скрывать в себе, и мы не считали нужным прятать их при переводе. Читатель найдет в переводе очень много фраз вовсе не изящных, иногда неловких; если они сохранят Шлоссеру для русского читателя ту же физиономию, с какой хотел он являться запросто перед своими немцами, читатель одобрит нас за то, что мы шероховатую простоту речи не заменили приглаженностью, над которой так брюзгливо смеется автор.

У Шлоссера много выписок из французских, английских и других источников, особенно в примечаниях. Он эти выписки представляет в подлиннике, без перевода на немецкий язык. Так как наш перевод делается для обширной публики, не имеющей привычки к чтению на иностранных языках, то мы почли удобнейшим для читателя переводить все эти выписки немецкие, французские, английские, латинские и итальянские на русский язык.

Часто Шлоссер ссылается на сочинения, которые легко доступны его немецкой публике, но которых не существует в русском переводе. Часто он упоминает о фактах, которые легко узнает немец из книг, находящихся у каждого под рукою в Германии, но о которых нечего прочесть на русском языке. К русскому переводу необходимо прибавить много выписок и примечаний, без которых мог обходиться немецкий автор. Надобно также сказать, что мы хотели бы дать читателю рассказ о главных фактах и важнейших деятелях XVIII века более подробный, нежели какой дается у Шлоссера. Если бы мы захотели помещать эти дополнительные примечания при тех самых страницах перевода, к которым они относятся, этим чрезвычайно замедлилось бы печатание перевода; притом же примесь этих дополнений при чтении спутывала бы впечатление, производимое рассказом автора, с другими разнохарактерными мнениями. Эти соображения склонили нас к тому, чтобы наши дополнительные примечания печатать отдельно

от текста. Из них составитя три или четыре тома, которые будут изданы по окончанию перевода.[1]

«История XVIII столетия» состоит в подлиннике из осьми томов. В русском переводе вышло теперь три тома. Непредвиденные обстоятельства задержали очень долго выход второй книги, так что она, вместо июня, могла явиться только в сентябре. Вследствие того опоздал несколько и третий том, только на днях появившийся. Но четвертый том уже печатается и если не к концу этого года, то в январе следующего будет выдан подписчикам. В 1859 году в «Исторической библиотеке» будет продолжаться перевод «Истории XVIII столетия». Условия подписки остаются те же: за четыре тома – 7 руб. 50 коп., с пересылкою 9 руб. сер.; для подписчиков же «Современника» 5 руб. с пересылкою и доставкою. Подписавшиеся на «Современник» в 1859 году могут получить за 5 руб. и «Историческую библиотеку» 1858 года.

В заключение расскажем анекдот, слышанный нами вскоре после выхода первого тома Шлоссера в русском переводе. В конто-

ру «Исторической библиотеки» является какой-то господин и спрашивает: «Здесь принимается подписка на «Историческую библиотеку?» – «Здесь». – «Так дайте мне, пожалуйста, билет; «Северная пчела» что-то очень вооружается на это издание[2] – должно быть, оно очень хорошо».

Случай этот не вымышлен. Справедливость его могут засвидетельствовать в книжном магазине А. И. Давыдова (на Невском проспекте, против арсенала Аничкова дворца), где находится контора «Исторической библиотеки» и «Современника».

Примечания

Впервые – «Совр»., 1858, № 12, отд. II, стр. 252–256, без подписи. Принадлежность рецензии Добролюбову установлена на основании списка, составленного Чернышевским (ЛН, т. 25–26, стр. 247).

«Историческая библиотека», издававшаяся при «Современнике», возглавлялась Чернышевским. Определяя задачи «Исторической библиотеки», он в 1860 году писал: «Мы хотели знакомить публику с классическими творениями новой западноевропейской литературы по всеобщей истории, главным образом по истории Западной Европы и Америки в прошлом и нынешнем веке, думая, что эта часть истории наиболее важна, и находя, что именно с нею до сих пор труднее всего было знакомиться нам по совершенному отсутствию на русском языке книг, относящихся к ней... Сообразно этому плану, мы избрали для начала своего издания «Историю восемнадцатого и девятнадцатого столетий» Шлоссера...» (Чернышевский, VII, стр. 454).

Чернышевскому принадлежит и цитируе-

мое Добролюбовым предисловие к русскому переводу первого тома «Истории...» Шлоссера (см. Чернышевский, V, стр. 175–178).

Добролюбов написал рецензию и на последующие тома IV и V «Истории...» Шлоссера, вышедшие в свет в 1859 году (см. т. 4 наст. изд.).

Комментарии

Намерение Чернышевского издать примечания к «Истории...» Шлоссера не было осуществлено.

[^^^]

«Северная пчела» – политическая и литературная газета, выходившая в 1825–1864 годах в Петербурге; издателями-редакторами ее до 1860 года были Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, с 1860 – П. С. Усов.

[^^^]